

Глава 80. Сверхбольшой файл от пользователя Фу Линцзюнь

На оживлённой длинной улице люди смеялись и переговаривались, а вокруг туда-сюда сновали шаги — то лёгкие, то тяжёлые.

Только что Цзян Тан в спешке лечил Фу Линцзюня, поэтому они довольно неловко пристроились за лавкой, где торговали фонариками. Сегодня все фонари уже распродали, и хозяин тоже ушёл вместе со всеми смотреть на уличное веселье и отпускать огни. Только один пухлый фонарь из рисовой бумаги так и остался висеть у края прилавка.

Их тела почти целиком тонули в тени, и лишь слабый огонёк свечи едва-едва обрисовывал контуры.

На фонаре, впрочем, были нарисованы не обычные цветы, птицы или горы с реками, а круглый толстенький кролик. Глаза у него были алые, шерстка — снежно-белая, сам он казался мягким и упитанным.

Свет свечи изнутри проходил сквозь бумагу фонаря и падал на лицо юноши с белой кожей и чёрными волосами.

В этих глазах, мягко светящихся в полутьме, отражался тёплый свет, пока он наклонялся и дул Фу Линцзюню на рану.

Фу Линцзюнь помнил: когда он был совсем маленьким, кто-то уже делал с ним так.

Его тело отличалось от тел других людей. Стоило ему пораниться — и заживало всё крайне медленно. Каждый раз, когда он получал рану, мать, которая в его воспоминаниях всегда улыбалась и говорила мягко-мягко, сначала строго отчитывала его за то, что он опять полез в опасность, а потом с жалостью тянула к себе, смазывала рану лекарством и легонько дула на неё.

Вообще-то ему самому не казалось, что это больно.

Отец у него был слаб здоровьем, и по ночам из комнаты часто доносился сдержанный кашель. Этот мир вовсе не был спокойным и мирным — он понимал это с самого детства. Гуанлин располагался над самой чистой духовной жилой Северного Водного континента, а прямые потомки рода Фу ещё и несли в себе драгоценное Истинное Духовное Пламя, так что слишком многие заглядывались на них с жадностью.

Он был прирождённым высшим дарованием Гуанлина. С рождения впитывал духовную ци неба и земли и уже стоял на ступени мастера Дао. Отец, конечно, не ждал от него слишком многого и хотел лишь, чтобы он вырос здоровым и счастливым, но сам Фу Линцзюнь мечтал поскорее вырасти, поскорее стать сильным и защитить тех, кого хотел защитить.

Он был надеждой Гуанлина.

Поэтому ему не больно.

От приблизившегося юноши пахло лёгкой сладостью.

Даже ветер стал ласковым, мягко скользя по его лицу.

Фу Линцзюнь был заметно выше Цзян Тана, и даже сидя всё равно оставался выше него на полголовы. Когда Цзян Тан тянулся к нему, приподнимаясь, обеими руками он невольно упирался Фу Линцзюню в плечи, чтобы удержаться. Стоило поднять взгляд — и сразу встречались те самые глаза, спрятанные за этим самым обычным лицом, глаза, сиявшие живым светом.

На бледном лице ещё оставались следы крови, а он, не моргая, продолжал смотреть на него.

Цзян Тан сердито зыркнул на него:

— Не смотри на меня!

Длинные ресницы Фу Линцзюня дрогнули. Глаза у него были тёмные, глубокие. И говорил он с такой наглой ленцой:

— Почему не смотреть?

Смотрел он слишком внимательно, слишком жарко. Когда этот взгляд ложился на лицо Цзян Тана, казалось, будто хищник в упор разглядывает добычу — без всякой маскировки, ничуть не стесняясь.

От такого взгляда Цзян Тану стало неловко:

— Я сказал, не смотри!

Он протянул руку, чтобы закрыть Фу Линцзюнь глаза. Длинные ресницы задели ему ладонь, и по коже тут же пробежала щекотная дрожь. Маленькая рука слегка дрожала, но всё же решительно легла поверх его глаз.

Мир Фу Линцзюня, однако, вовсе не погрузился во тьму.

Он ясно чувствовал и стеснение юноши, и его радость — искреннюю, смешную и трогательную.

Поэтому он поднял руку, накрыл ладонь, закрывшую ему глаза, своей, снял её, положил себе в ладонь и принялся неторопливо разминать.

Белая. Мягкая. Тёплая.

— Не мешай! — Цзян Тан попытался выдернуть руку. Хоть Фу Линцзюнь и не прилагал особой силы, вырваться всё равно не получалось. — Я всё ещё сержусь!

Фу Линцзюнь сидел спиной к фонарю, и всё лицо его тонуло в тени. Он не выпускал эту руку и всё тем же ленивым тоном произнёс:

— Угу. Я знаю.

Знает — и всё равно нарочно мешает! Цзян Тан ткнул его ногтем, но кожа у Фу Линцзюня была будто железная, он даже не почувствовал.

Личико у Цзян Тана от злости стало круглым, а глаза — ещё круглее.

Фу Линцзюнь посмотрел на толстого кролика, нарисованного на фонаре, и на его округлую тень, ложившуюся прямо на надутые щёки Цзян Тана. Не удержавшись, он протянул вторую руку и ткнул в щёку пальцем.

Мягкая, нежная щека тут же промялась маленькой ямочкой. Стоило отпустить — и кожа сразу пружинисто вернулась на место.

Цзян Тану вдруг показалось, что его гладят точно так же, как раньше тискали зверька: трогали за уши, тыкали в живот. Теперь Фу Линцзюнь точно так же играл уже с ним самим!

— Ещё раз ткнёшь — укушу! — пригрозил он.

Но тот не только не испугался, а ещё и с явным вызовом ткнул снова.

Да не просто ткнул — ещё и ущипнул.

Мягкую щёку подхватили пальцами, слегка потянули, как кусочек теста.

Вся злость этой ночи у Цзян Тана мгновенно вспыхнула снова. Он обхватил обеими руками кисть, державшую его за руку, и вцепился в неё зубами.

Не прокусил.

Человеческие зубы оказались даже тупее звериных. Цзян Тан прошёлся по среднему пальцу, потом по мизинцу, потом добрался до тыльной стороны ладони — грыз целую дорогу, вымазал всю руку слюной, а Фу Линцзюнь мало того что не ощутил боли, так ещё и выглядел так, будто получает от этого искреннее удовольствие, с полной готовностью позволяя ему кусать дальше.

Цзян Тан молча отпустил его руку и уставился на него.

Фу Линцзюнь потянул его к себе, притянул в объятия, а потом, воспользовавшись тем, что тот не ожидал, чмокнул в мягкую щёку.

Легко, будто пером провёл по коже.

Маленький пёсик, которого застали врасплох, выпучил глаза:

— Ты... ты же... тебе не больно?!

Он смотрел на него и совсем не видел человека, которому больно. Зато видел наглеца, способного даже сейчас распускать руки!

То место, которого коснулись губы, медленно стало горячим, онемело и защекотало. Цзян Тану страшно хотелось потрогать щёку, но он боялся, что тогда Фу Линцзюнь обязательно станет над ним смеяться.

Хотя Цзян Тан так и не коснулся щеки, Фу Линцзюнь всё равно улыбнулся. Его прекрасные брови и глаза чуть изогнулись, и он стал похож на духа-искусителя, который способен свести с ума одним взглядом: яркий, как рассвет, и пышный, как цветущая бегония.

— Больно, — сказал он.

Улыбка потянула рану, и хотя эта боль была совсем слабой, почему-то именно сейчас он вдруг ощутил её очень ясно. Сжав белую руку у себя в ладони, Фу Линцзюнь добавил:

— Очень больно.

Непрекращающаяся боль в душе, которую терзала отдача силы Цзян Чаньюаня, жжение в разрезанной щеке... Всё это прежде его совершенно не волновало. Но теперь, когда нашёлся кто-то, кому было не всё равно, эти боли вдруг стали ощущаться особенно отчётливо.

Лицо у Цзян Тана вспыхнуло румянцем, а он сам заикался, бормоча:

— А по тебе вообще не видно... Ты просто притворяешься!

Ругался он, а вот руку больше не выдёргивал — послушно позволял держать её в ладони.

Голос у него был мягкий-мягкий, и от этого внутри у Фу Линцзюня становилось только теплее.

Он не удержался, наклонился к нему, упёрся лбом ему в лоб, одной рукой продолжая держать его ладонь, а другой легко обнял его.

Ветер слегка качнул толстенький фонарь. Фитиль тихо зашипел, и свет свечи задрожал, то ярче, то тусклее.

Так уж устроен человек: чем сильнее его любят и чем больше о нём заботятся, тем мягче он становится.

Фу Линцзюнь лишь тихо обнимал его, ничего не говоря, а сердце у Цзян Тана превратилось в розовую газировку, где одно за другим всплывали пузырьки — буль-буль.

Ясная луна. Чистый ветер. Запах цветов. Людские голоса.

Они молча обнимали друг друга, и казалось, даже души не выдерживают и тянутся переплестись.

Даже если бы кто-то прошёл мимо, вряд ли заметил бы, что в тени за лавкой с фонарями сидят двое.

Они соприкасались лбами и тихо-тихо прижимались друг к другу, будто просто устали и нашли, на кого можно опереться.

Для культиватора точка между бровей — очень уязвимое и важное место, потому что там хранится душа. Если двое прикасаются друг к другу лбами и при этом всецело доверяют друг другу, их души начинают понемногу проникать в духовные дворцы друг друга.

По сравнению с объятиями, поцелуями или даже безумной телесной близостью вторжение в духовный дворец, пожалуй, было ещё более тесным и сокровенным.

Не каждая пара спутников Дао способна к душевному общению.

Большинство культиваторов слишком насторожены и слишком берегут себя, чтобы суметь довериться другому без остатка. Поэтому многие за всю жизнь так и не получают возможности заглянуть хотя бы в крошечный уголок души своего спутника.

Когда всё случилось тогда, Фу Линцзюнь был ещё совсем молод и о подобных вещах почти

ничего не знал. Цзян Тан же и вовсе был не из этого мира и тоже плохо понимал такие законы. Так что в тот первый миг, когда они приблизились друг к другу, ни один из них вовсе не собирался вступить в душевное общение.

Но внезапно Фу Линцзюнь ощутил, как его мучительно ноющую душу окутывают мягчайшие, нежнейшие щупальца. Пугливые щупальца очень легко, очень осторожно касались его, а потом, будто не умея скрывать свои чувства, передали ему крошечный кусочек эмоций.

Это была спокойная, умиротворённая, сладкая душа. Протягивая к нему щупальца, чтобы обнять, она ещё и боялась ему навредить — подходила на шаг, отступала на два, пробуя приблизиться.

Фу Линцзюню эта душа показалась знакомой.

Когда Цзян Тан падал в бездну сна, юноша точно так же без спроса ворвался в его духовный дворец — маленький, мягкий, слабый. Обычно Фу Линцзюнь не выносил, когда кто-то вторгался в его мир, но сейчас, когда это делал стоящий перед ним юноша, он испытывал лишь удовольствие.

Цзян Тан тоже утонул в этом странном, неясном ощущении. Его душу будто подхватила ласковая сила, а затем осторожно потянула к себе, словно пробуя проникнуть внутрь.

Но внезапное соприкосновение душ испугало Цзян Тана, и он инстинктивно попытался сопротивляться. Вот только вторая душа прожила уже несколько тысяч лет, выцарапывая себе дорогу в боли и борьбе; это была сильная душа, вся в шипах и когтях. Стоило Цзян Тану попытаться вырваться — и та мягкость, что до сих пор лежала на поверхности, мгновенно слетела, а его самого грубо потащили ближе.

В точности как сам Фу Линцзюнь — властный и не терпящий отказа.

— Мм... — у Цзян Тана невольно сорвался стон, такой сладкий, что ему самому стало стыдно.

В ту секунду, когда души соприкоснулись, острая душа Фу Линцзюня стала для него то ножом, то мечом, то ледяным дождём, что без зазора проникает повсюду, и властно ворвалась в мир Цзян Тана.

Его маленькая, дрожащая душа просто не могла внезапно выдержать столь сильную душу, прожившую тысячи лет. Да, когда-то раньше они уже соединялись так близко, но это было давно. И после прошлого душевного общения Цзян Тан вообще почувствовал себя так, будто у него духовное истощение аж до почечной недостаточности: сил не было ни на что, и всё это ужасно его мучило. Поэтому сейчас он инстинктивно хотел сопротивляться.

Вот только перед ним был Фу Линцзюнь.

Человек, который не понимал толком, что такое душевное общение, но уже успел попробовать крошки удовольствия и теперь хотел ещё.

Когда-то они уже идеально сливались друг с другом, поэтому отторжение между ними было не таким сильным.

Соппротивление слабой души в глазах Фу Линцзюня было едва заметным — сладким и бесполезным. Он наслаждался тем, как душа Цзян Тана обволакивает его, и вёл себя почти как шаловливый ребёнок: то ткнёт в одно место, то заглянет в другое. Маленькую душу он растревожил до такого состояния, что она почти растеклась, как мороженое в летнюю жару, превратившись в мягкую лужицу.

Он впервые испытывал такое удовольствие. Ему уже мало было просто обнять душу Цзян Тана — хотелось ещё и промчаться по ней насквозь, заглянуть повсюду.

Цзян Тан был уже почти готов расплакаться.

Нет, нет, нет! После прошлого душевного общения он уже понял: в его двадцатилетних воспоминаниях полно вещей, которые вообще нельзя никому показывать! В прошлый раз ему ещё повезло — Фу Линцзюнь потом ничего не помнил, и позор миновал. Но как можно допустить всё это ещё раз?!

Но человек — существо противоречивое. Чем сильнее он старается о чём-то не думать, тем яснее это что-то лезет в голову. Те самые видео в формате mvk — самых разных стран, самых разных сюжетов, все до одного крайне откровенные, — будто нарочно почувствовали его панику и начали бешено всплывать в памяти. Цзян Тан яростно пытался от них отмахнуться, но эти совершенно неуместные вещи намертво засели в голове и никак не желали исчезать.

Это был чистый, старый, отработанный до автоматизма инстинкт старого похабника.

И в самый неподходящий момент этот инстинкт сработал с идеальной точностью.

Нельзя. Ни в коем случае нельзя дать Фу Линцзюню увидеть всё это у него в голове!

В голове у Цзян Тана уже завывала сирена: ни за что нельзя принимать этот сверхбольшой файл от пользователя Фу Линцзюнь.

Но одно дело — его желание отказаться, и совсем другое — желание собеседника передать файл.

Начинается приём сверхбольшого файла от пользователя Фу Линцзюнь.

Приём не удался. Запрос на возврат.

Возврат не удался. Повторный приём сверхбольшого файла от пользователя Фу Линцзюнь.

Приём снова не удался. Повторный запрос на возврат.

— Ы-ы... — Цзян Тан сопротивлялся изо всех сил, но был разгромлен вчистую.

Возврат не удался. Сверхбольшой файл от пользователя Фу Линцзюнь успешно принят.

<http://bllate.org/book/17032/1645096>